

Иван Кравцов

Крестовый поход 2. Поход бедняков

18+

Иван Кравцов

Крестовый поход

2. Поход бедняков

<https://litres.ru/74035594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1095 года. Европа охвачена лихорадочным ожиданием великого похода. Тысячи людей, вдохновлённые пламенными проповедями Петра Пустынника, бросают дома и семьи, чтобы освободить Святую Землю. Но для двух побратимов — юного воина Элезара и загадочного монаха Александра, волею судеб перенесённого из далёкого будущего, — этот путь оборачивается не только дорогой к Гробу Господню, а дорогой испытаний и потерь.

Продолжение масштабного исторического романа о временах, когда решалась судьба Востока и Запада.

Иван Кравцов

Крестовый поход

2. Поход бедняков

Глава 1

Тусклая морская гладь непроницаемых вод Балтийского моря качалась в такт только ей известной мелодии. Музыка моря была необычайно сильна и захватывала дух. С каждым качком палубы вздрагивала душа. Волны, чувствуя близкую землю, спешили к ней, убыстряя свой бег. Видели берег и люди. Они подчинялись движению вод и спешили туда, в родной дом. В город Хайтабю, что стоял на пересечении Балтийского и Северного морей и когда-то служил важной перевалочной точкой для датчан.

Элезару хотелось прыгнуть в воду и поплыть к берегу. Но юноша прекрасно осознавал, что двигаться быстрее шнеки не получится. И правда, корабль, который был поменьше драккара и вмещал под шестьдесят человек, двигался вперёд, толкаемый слаженным и мощным движением гребцов. Бросок! И волны расступаются перед ним, не смея противиться этому произведению человеческого гения.

Нет в мире лучше мореходов, чем викинги. Более бесстрашных, упрямых и умелых моряков, чем эти северные люди, несомненно создаст земля. Немного удивительно было,

что команда этого корабля, названного «Золотой», состояла в основном не из датчан-викингов, а из славян. А юноша по имени Элезар — с белым и гладким от солёного ветра лицом, большими голубыми глазами, немного курносый носом, коротко стриженными светлыми волосами — был франком. Дело было в том, что после разрушения Хайтабю несколько десятков лет назад восставшими славянами-ободритами, жителей из датчан-викингов там почти не осталось. В небольших деревянных домишках, окружённых плетёными заборами, ютились в основном те самые славяне. Они были потомками ремесленников, переселённых сюда с Рерика, бывшей столицы племени, разрушенной одним из датских конунгов вот уже двести лет назад. Да много было пришлых людей разных народностей и племён, вроде тех же франков. Город бы отстраивался, да даже те немногие, кто остался или селился здесь, тянулись потихоньку в соседний Шлезвиг, который ранее был скорее пригородом, а ныне стал главным портом всей округи.

Но вот корабль зашёл в длинную, похожую на реку бухту и двинулся к теперь уже недалёкому поселению. На пирсе их ждали.

— Здравствуй, Элезар! Рад, что ты вернулся, мальчик мой, вы как раз вовремя! — крикнул старик Бажен, ещё когда юноша спрыгивал на бревенчатый настил с корабля.

— Здравствуйте, дедушка Бажен. Какой же я мальчик? Вы бы знали, сколько мне всего сделать пришлось на севере, да

мы... — по-детски стал тараторить паренёк.

— Он не так уж и хвастается, отец, — солидным баритоном перебил его спрыгнувший следом Барма, немолодой уже мужчина, ходивший раньше хольдом, одним из старших воинов, у самого князя ободритов Генриха. Именно Барма взял семнадцатилетнего юношу, сына местного священника Петра, в плавание на Балтику.

— Парень-то молодец, и из него выйдет толковый боец, и малыш хитёр, как хорёк, — на этих словах Барма подмигнул смутившемуся и одновременно довольному похвалой Элезару и обнял старика своими огромными ручищами.

— Беги домой. Отец ждёт тебя. Хворает он. Не задерживайся, а эти лентяи и без тебя обойдутся, — прокаркал Бажен юноше, высвобождаясь из лап сына.

Элезар было хотел остаться и помочь в разгрузке корабля, но слова о болезни отца вырвали эти мысли из его головы. Элезару передали с корабля здоровенный, тяжёлый мешок, и юноша побежал по натопанной улице в сторону старой церкви, рядом с которой и жил с отцом. У дома — большого бревчатого строения, в славянском, а не типично датском стиле — парень остановился. Оглядел себя, сбил пыль и сдержанной походкой вошёл.

Внутри ничего не изменилось. Да и нечему было меняться. После смерти жены, местной славянки Лалы, а в крещении Елены, франкский священник Пётр, прибывший в эти ещё совсем плохо принявшие и впитавшие в себя дух Истин-

ного Учения места, сильно замкнулся. Почти не занимался домашними делами, целые дни проводя в церкви, и лишь немного времени уделял своему десятилетнему сыну Элезару. Да и то — только обучая его Священному Писанию, латыни и другим наукам, а также верховой езде. Поэтому парень всё свободное время проводил в играх с местными норманнскими и славянскими ребятами. Превосходя их на голову в уме и не проигрывая в силе, мальчик всегда был лидером и стал любимцем всего города. Элезар быстро рос и постепенно превратился в статного, красивого и разумного юношу. Вскоре он даже обогнал своих сверстников в росте и в ширине плеч, а к пятнадцати годам не уступал и некоторым взрослым. Вокруг города простирались глухие северные леса, и парень научился охотиться, красться бесшумно, читать следы животных. У викингов, самых богатых, хоть и немногочисленных жителей города, лучших в известном мире воинов, Элезар научился владеть мечом, луком, копьём и топором. Немного научился и рубиться саблей — как у местных мастеров, так и за малую плату у арабов, что жили здесь постоянно, поскольку в разросшийся Шлезвиг их почему-то не пускали. Брал он уроки и у странных и довольно уродливых степных жителей, славящихся искусством владения оружием и иногда наведывавшихся в город по торговым делам, хотя отец и не одобрял его общения с этими работниками. Помимо наук и вбитого тяжёлой рукой смирения, Пётр же обучил его отлично держаться в седле. Всё было ин-

тересно этому необычному юноше, и всё ему давалось легко. И поэтому, когда Элезар попросился плыть вместе с Бармой, своим дядей по материнской линии, торговать на восточное Балтийское побережье, тот сразу согласился взять его. А отец, хоть и беспокоясь, но всё же отпустил. Хотя Петра и расстроило, что его сын избрал этот путь в жизни, а не пошёл по его стопам. По мнению священника, ума юноше хватило бы на блестящую карьеру, тем более его хорошо знал, учил и любил даже местный епископ.

Элезар стоял на пороге родительского дома, осматривая знакомую ему с детства обстановку. Радостно было вернуться сюда, но и печально, ведь он попробовал вкус вольной жизни, полной приключений, открытий, кровавых стычек и словесных соревнований в торговле с дикими охотниками и богатыми новгородскими купцами. Сделав несколько шагов внутрь, он сбросил мешок на пол. На этот звук из соседней комнаты послышался немного хриплый голос отца:

— Вишня, милая, пойди посмотри, кто там пришёл.

В переднюю вышла дочка последнего городского кузнеца Световита Вишня. И тут же, словно маленький белокурый ураганчик, кинулась она к Элезару, но, остановившись на половине пути, смутилась своего порыва. Однако сверкавшие, словно две капли росы, глаза и яркая, как весеннее солнышко, улыбка выдавали её радость сильнее, чем того хотелось бы.

— Здравствуй, Вишенка, — рассмеялся Элезар. — Ты как

сюда попала?

— Дядя Пётр заболел, и я за ним ухаживаю. Плох он, — негромко сказала она.

— Не так уж я плох. Здравствуй, сын, — из комнаты вышел отец юноши.

Священник сильно постарел за те несколько месяцев, пока не было сына. Какая-то неведомая местным лекарям болезнь подкосила его. И в свои тридцать девять лет он выглядел глубоким стариком. Когда Элезар уезжал, Пётр был высоким, широким в плечах и полным сил не только в теле, но и в голосе, в даре убеждения франкского проповедника. Теперь на него нельзя было взглянуть без сожаления.

Лицо Элезара потемнело. Он подошёл к отцу, обнял его и повёл к кровати.

— Зачем ты встал? Тебе надо лежать, — с теплотой в голосе говорил он.

Уложив Петра на кровать, Элезар стал рассказывать о своих приключениях. Вишенка вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Представляешь, мы дошли до земель словен в самом Новгороде. Посетили и пруссов, и эстов. Где торговали, где брали провизию силой, а где и нас пытались взять на копье. Эсты аж тремя ладьями напали в реке. Зажали так, что ни вперёд, ни назад не выбраться. Но куда там — думали неожиданно взять, но Барма всем сказал кольчуг не снимать. В итоге бесподспешные кинулись на нас, упреждённых сторожами.

И было их огромное количество. Может, и впятеро больше. Одну ладью в итоге мы сами взяли, а две успели сбежать. Мы потом её эстам и продали на границе словенских земель. Обратно пошли северными землями. Там новгородцы собирают дань, но и мы прошли. Грабить не грабили, но расторговались хорошо. Повезло, что при обратном переходе на язычников не попали — не отбились бы. Шнекка товаром под завязку забита, даже за оружием под тюками не залезть.

Долго ещё они разговаривали. В основном говорил юноша, пытаясь отвлечь отца и похвастаться своими подвигами.

Несмотря на то, что меньше чем через месяц корабль Бармы снова отправлялся в поход, Элезар отказался плыть, не желая оставить отца. К ним постоянно приходила Вишня. Элезар оставлял больного на её попечение, а сам уходил в кузницу, где стал помощником Световита, которому помогал и раньше. В деньгах он не нуждался — его отец был не беден, да и он принёс богатую добычу из похода, получив свою долю. Но его деятельная натура не давала ему бездельничать. Отец только радовался этому, хотя улыбался всё реже и реже, потихоньку угасая. Через два месяца Пётр уже не мог вставать с кровати. Элезар ничего не мог с этим поделаться, а находиться рядом с отцом всё время ему было тяжело. Каждый день он бил молотом по кускам металла и раздувал мехи. И казалось, что пытается выбить он горе из себя, забыть переживания и слёзы, которые он лил по ночам, когда отец засыпал.

Тело Элезара крепло, но дух слабел. Казалось, что и он заболел. Лицо его, ещё недавно восторженное и по-детски белое и румяное, потемнело. И дело было не в копоты, которой он пропитывался в кузне, а в том, что приближение кончины отца заставило его повзрослеть в свои семнадцать лет. У всех людей в жизни есть момент, когда они взрослеют. Для кого-то он наступает позже, а для кого-то раньше. Те трудности, которые пришлось пережить Элезару в походе, смерти от его рук, могли бы заставить его забыть детство. Но для Элезара, выросшего в суровых северных краях и не знающего другой жизни, смерть была естественна. Она забирала людей вокруг него, особенно детишек, но он не задумывался над этим. Сейчас же она пришла за близким для него человеком. К тому же не в виде удара меча или волны, что смывала людей за борт в пасти морским чудовищам, а в виде болезни. Юноша каждый день видел, как смерть подкрадывалась к отцу, прикасаясь своими чёрными губами к его бледнеющим губам, целовала своим страшным поцелуем, лишаящим сил и приближающим кончину.

Наступала уже ранняя и тёплая весна, характерная для того времени. Элезар возвращался затемно из кузни, и вдруг на него из казалось закрытой церкви вышел странный человек. В рясе, но очень необычного покроя — из явно дорогих материалов, с дорогими пуговицами и необычно облегающей тело. А также в странном головном уборе, какой Александр назвал бы клобуком, но только чёрного цвета и про-

стирающимся за человеком, словно плащ. У незнакомца были совершенно ошалевшие глаза, и он что-то непрестанно шептал на непонятном языке, словно молился. А может, и правда молился, так как показался похожим на священника. А затем человек размашисто перекрестился, как положено, тремя перстами и справа налево, что окончательно успокоило Элезара. Священник — а теперь парень уверился, что это именно священник, — подошёл к нему и обратился на своём странном наречии, чем-то показавшемся похожим на речь русичей, родичей жены благословенного короля Олафа, которого в народе, впрочем, не благословляли, а не стесняясь и даже не пытаясь шептать, называли королём вечного голода. Элезар ответил на языке ободритов, что не понимает сказанного. Человек его, похоже, тоже не понял. Тогда Элезар спросил его на датском: кто он, откуда и почему находился в церкви. Снова непонимание. Парень повторил вопрос на саксонском, потом на латыни — и сейчас его явно поняли. Человек, оказавшийся и вправду монахом, затараторил на неидеальной, но в основном правильной латыни, что он напился монастырского вина и совершил страшное: забрался в алтарь и там уснул. Когда же проснулся, то оказался в этой церкви, в совершенно незнакомом месте, и похоже — вообще в другой стране; ничего не понимает и плохо сообщает. А зовут его Александр, и он действительно оказался русом. Только как-то странно себя назвал — «русский». Элезар сжалился над этим явно больным человеком и позвал

его к себе.

Сначала Александр явно очень удивлялся окружающей обстановке. Но быстро пришёл в норму и стал помогать Элезару, взамен Вишни. Сошёлся с больным Петром, беседуя с ним о Боге. Много молился, что вызвало уважение жителей города, которые сами не отличались благочестием, но оказывали почтение тем, кто посвящал себя Богу.

Спустя более полугода после прибытия Элезара из похода Петра не стало. Перед смертью к нему вернулись силы на короткое время, но Элезар понимал, что это означает близкий конец. После исповеди у священника, посланного самим епископом, отец пригласил к себе сына.

— Милый мой сын, я знаю, что после моей смерти ты, вероятнее всего, присоединишься к воинам Бармы. Знай, что я не желаю этого. Ты можешь поступать как хочешь, но сначала ты исполнишь мою последнюю волю. Ты сделаешь то, что не успел и не сумел сделать я. После смерти твоей матери я пообещал себе посетить святой город Иерусалим. Помолиться у Гроба Господня за покой её души. Теперь это предстоит совершить тебе. Ты отправишься туда и попросишь Господа простить её за её прошлые языческие заблуждения и меня — за то, что вопреки обетам нашей святой матери Церкви долго жил до брака во грехе с нею. Ты преклонишь колени у Гроба Господня. Обещай мне сделать это, сын мой.

— Да, отец. Я исполню твою волю. Я... я люблю тебя, — из глаз Элезара потекли слёзы.

— Я тоже тебя люблю. Ты вырос достойным человеком. Я, как сумел, передал тебе заветы Господа. Ты добрый христианин. Не плачь. Смерть — это лишь начало жизни. Я спал и тороплюсь проснуться, открыть глаза и увидеть Господа нашего Иисуса Христа. Я прожил долгую и насыщенную жизнь. Вскоре мне предстоит увидеть твою мать... Я расскажу ей, каким вырос наш сын. Она тоже будет радоваться за тебя. Знаешь, сейчас, когда мой конец приближается, многие смущения гложут меня. За что мне такие страдания? Почему я должен уйти, так многого не сделав? Что ждёт меня за чертой смерти? Но я отбрасываю мысли эти. Они пусты. И ты не терзайся мыслями о своих страданиях, о своих лишениях. Думай о Животворящей Троице, о своей душе. Те страдания, которые ты испытаешь, лишь временны, но когда закончатся они, ты обретёшь гораздо больше. Никогда не сомневайся в том, чему Он учит нас. Всегда будь верен Ему, а значит — и себе.

Больше они ничего не сказали друг другу. Элезар молча сидел у кровати отца до самого вечера, когда того не стало. Он умер тихо. С благостной улыбкой на устах. Так, как и должно умереть праведнику, у которого есть вера. А после Элезар закрыл ему глаза.

Петра похоронили рядом с женой на христианском кладбище. На похороны пришло множество людей, многие приехали и из соседних земель. Католики, евреи, язычники и мусульмане — все уважали и любили этого добродетельного

человека. Все отдали ему последнюю дань своего уважения.

Похороны прошли только по католическим канонам, но многие гости, особенно германцы и викинги, умудрились-таки страшно напиться, горланя песни без всяких мыслей о печали. Элезар не возражал, хотя сам и не пил. Со смертью отца ему даже стало легче. Как будто с момента, когда Пётр перестал страдать, не стало и душевной боли его сына. Поэтому сразу тот стал собираться в дальнюю и нелёгкую дорогу. Больше всего его удивило, что Александр, помимо молитв уделявший много времени обучению местной речи, стал собираться с ним. Пожитков, в отличие от Элезара, у монаха было немного, а оружия не было совсем. От предложений даже взять в руки простое копьё странный монах, почти ничего не рассказывавший о себе, но зато много расспрашивающий о жизни, отказался наотрез. Но путешествовать со спутником в любом случае было и спокойнее, и не так скучно, поэтому Элезар согласился взять его в свой поход в Святую Землю.

Глава 2

Юноша собирался отправиться днём в субботу, а утром планировал помывку. Привычку мыть дом и приводить себя самого в порядок его почивший отец и Элезар приобрели здесь, в земле северян или норманн, как абсолютно всех жителей этих мест без разбора называли в других местах.

Обычно после уборки дома в холодное время года люди собирались семьями в помывочных. Фактически в банях. *Иногда с друзьями, что неизменно сопровождалось попойкой. В тёплую же погоду горожане ходили в залив. Не рядом с городом — там было грязновато, но в стороне был неплохой песчаный пляж, где народ играл, купался и общался вволю.* Однако с появлением Александра появились и новые традиции. Даже в самую весеннюю жару он затаскивал желающих в баню. Большие камни, которые раньше нагревали до высокой температуры и поливали водой для создания пара, он заменил на однородные и небольшого размера, примерно с кулак. Такие камни грелись гораздо лучше, не трескались и дольше держали температуру. В парилке становилось невыносимо жарко. Но это всем пришлось по душе. Главным развлечением парней и взрослых мужчин стали беседы, лёжа на деревянных полках рядом с камнями, где был самый жар, о том, чем их лучше поливать и какой пар полезнее. В воду добавляли самые разные травы, лили пиво. А затем голые мужики выскакивали из парильни и мчались нырять в залив, распугивая немногочисленных девиц своими страшными, красными рожами и мужскими причиндалами. Священник пока новый в городе не появился, и пенять на необходимость соблюдения благочестия было особо некому. Кстати, когда Александр увидел, что жители города устраивают такие вот массовые помывки и постирушки, то весьма удивился. «Думал, вы здесь европейцы немытые», — произнёс

ОН НА СВОЁМ МАЛОПОНЯТНОМ ЯЗЫКЕ.

**Скорее всё же в саунах, как подтверждают археологические раскопки во многих поселениях по всей Европе, особенно в Шотландии. А ещё они подводили глаза, ухаживали за собой и делали маникюр. В сочетании с кучей украшений образ brutальных воинов тает и всплывает образ красавчиков-хипстеров из сериала «Викинги», как достаточно достоверный.*

****Эпоха «климатического оптимума» или «тёплой климатической аномалии» (в зависимости от того, являетесь ли вы сторонником глобального потепления) с 950 по 1250 год. В Дании растили виноград, как и в последние десятилетия XX века, кстати.***

Однако сегодня оба мужчины лишь обмылись в деревянном корыте перед дорогой, поливаясь ледяной водой из колодца, да подстригли бороды. Конечно, ещё привели в порядок длинные волосы, красиво расчесав их. Переоделись в дорожную одежду, которую, к счастью, удалось подобрать на Александра — чуть более высокого и не такого широкого в плечах, как Пётр — и принялись грузить пожитки на телегу. Повозку с парой запряжённых лошадей пришлось взять в долг у Световита. Смены одежды и обуви, оружие, кольчуга, сёдла, конечно, провизия, кое-какой скарб на продажу. Габаритное и не очень ценное Элезар раздал родственникам. Но и так груза набралось немало, ведь дорога в итоге должна была быть дальней. Отец рассказывал, что в Святую Зем-

лю нужно идти очень долго, возможно путешествие займёт много месяцев. Впрочем, бóльшую часть погруженного соби­рались продать на торгу Шлезвига.

Элезар признавался себе, что, возможно, и не вернётся. По крайней мере, в умирающее Хайтаю. Жителей здесь оставалось всего под две сотни, в основном старики, и с каж­дым годом людей становилось всё меньше. Город пока дер­жался за счёт прежде всего иноземных торговцев, евреев, арабов и совсем уже небольшого количества язычников, ко­торых не пускали и не терпели в более христианском Шлез­виге, но это явно была агония. Скоро даже рыбацкие де­ревушки в окрúге обещали стать более многочисленными. Не зря после смерти отца епископ даже не удосужился при­слать ему замену во всё ещё довольно крепкую и являющую­ся единственным каменным строением города церковь.

Путники вышли во двор. Элезар привязал коня к телеге сзади; запрягать в телегу своего высокого, почти ему по пле­чи коня он посчитал неприемлемым, хотя на самом деле де­лал это неоднократно. Попытки вести себя кичливо вызыва­ли у спутника улыбку украдкой, которую тот скрывал, чтобы не обидеть чуть более молодого и на самом деле ранимого приятеля.

Драгомир, младший брат Вишенки, забрался в телегу и понукал лошадей. Повозка выкатилась со двора и последова­ла на Запад, к всё ещё величественной оборонительной на­сыпи, окружавшей город*. Сейчас дворы стояли просторно,

а улица была земляной. Но дедушка Бажен рассказывал Элизару, что когда-то дома стояли вплотную друг к другу, имея лишь маленькие участки и огородики, а повсюду были деревянные настилы от грязи. В домах было много богатых людей, внутри города был крупный торг, а в церкви золотые, а не серебряные и медные украшения. Впрочем, у паренька иногда закрадывалась мысль, что Бажен был не из тех, кто в те времена жил в городе, а из тех, кто его окончательно разграбил. Уж очень старик любил описывать и подчёркивать достаток жителей. Хотя, может, и правда скучал по тем временам, когда и сам был молод, силён и благополучен. Но не бедствовал он и сейчас. Сын был привязан к отцу, а являясь владельцем судна и самым богатым жителем города, не позволял тому голодать, как приходилось многим другим жителям. Своей семье он тоже его обижать не позволял, а сварливая жена была неоднократно бита за неуважение к старику. Потому тот был не в пример другим пожилым людям не сварлив и добр к молодёжи. А Элизара он любил и выделял поболее остальных своих внуков. Вот и сейчас он вышел его провожать, хотя тот попрощался со всеми заранее.

****Система укреплений в виде насыпи в 60 с лишним километров и высотой до 6 метров в нынешнем Шлезвиг-Гольштейне создавалась датчанами на протяжении полутысячи лет. А затем использовалась в войнах вплоть до середины XIX века и в основном дожила до наших дней, а в Хайтабю отлично сохранилась, поскольку подновлялась. Рекомендую**

взглянуть в интернете, а при случае посетить.*

— Решил тебя проводить. Прощай, мальчик мой, уж не знаю, свидимся ли более, — обнял старик вышедшего вслед за повозкой со двора Элезара.

— Прощайте, дедушка Бажен, — крепко поцеловал парень деда, в этот раз и не думая поправлять и требовать обращения к себе как к взрослому.

— Береги себя, малыш, — старик растроганно скривил лицо, не торопясь отпустить парня.

— Обязательно. И с вами мы ещё точно увидимся, дедушка. Ещё будете гонять меня палкой по двору, вот увидите.

Дед беззвучно рассмеялся на немудрёную шутку и лесть, ещё раз притянул паренька к себе, а потом обхватил голову Элезара всё ещё крепкими руками и взгляделся в голубые глаза своими почти серыми.

— Выживи, будь достойным, мальчик! Не опозорь Род! — серьёзно и уже без тени сентиментальности сказал он. Голос его при этом был внушителен.

— Конечно! — сглотнул юноша.

— А ты береги его. Боги не зря тебя сюда послали, — старик строго метнул взгляд на Александра, наблюдавшего за сценой прощания.

— На всё воля Господа! — не выказывая согласия, но и не возражая, ответил тот.

Старик махнул рукой на него, резко развернулся и пошёл прочь. А оба спутника пошли вдогонку успевшей уже при-

лично отъехать телеге. Элезар шёл в лёгком обалдении. К чему это было? Что имел в виду старик?

Александр же шёл справа от телеги и улыбался в бороду, но был задумчив. Дороги было немного, всего час или даже чуть меньше. «Впрочем, если считать, что счастливые часов не наблюдают, то люди этого времени были поголовно счастливы», — думал Александр, вспоминая свою жизнь. Всё время, которое он находился здесь, в прошлом — как он высчитал, в 1095 году от Рождества Христова, — было для него... пожалуй, волшебным. Поначалу он сильно испугался, даже пришёл в ужас, но позже обрёл цель не только своего существования здесь, но и, возможно, всей жизни.

Однако долго размышлять не получилось. Дорога действительно была очень короткой, и уже вскоре они приблизились к Шлезвигу, а затем въехали в ворота.

Город окружала невысокая каменная стена на высокой насыпи, но ещё лучше город был защищён с моря. Широкий полукруг деревянной стены с башнями уходил прямо в воду, образуя защищённую бухту, по примеру многих укреплённых датских городов. Внутри же находились многочисленные причалы и все основные постройки, в основном деревянные, но были и каменные, помимо городской стены на насыпи. Резиденция епископа и доминировавший над городом собор, чем-то похожий на крепость, выделялись на общем фоне. Собор был выполнен в узнаваемом романском стиле, а при входе была одна башня, устремлённая ввысь. Он был не

слишком велик, но пока что это было самое высокое строение, виденное здесь Александром, и смотрелся он внушительно, а выполнен был очень красиво.

Повсюду царила чистота. Похоже, улицы даже подметали, и никакого впечатления вида средневекового города, как его себе представлял Александр, не было и в помине. Для набора воды, как и в Хайтабю, использовались общественные и располагающиеся на личных участках колодцы. Многочисленные же неглубокие искусственные каналы с проточной водой, укрепленные деревом, использовались для слива нечистот. В общем, город производил очень приятное впечатление. Главная площадь города, где располагался торг, тоже оказалась вымощенной камнем, в то время как остальные улицы покрывали деревянные мостовые, на которых подпрыгивала телега.

Попав на площадь, они подъехали к одному из незанятых навесов. Подскочивший было к ним малый, одетый в нечто похожее на кожаный жилет с металлическими нашивками и опоясанный мечом, узнав Элезара, приветливо махнул ему рукой и поменял направление движения. Видимо, собирался взять плату за торг, но почему-то передумал.

— А плату с нас не возьмут? Знакомый твой? — уточнил Александр у Элезара.

— Возможно. Меня порой люди узнают, которых первый раз вижу. Отец — священник, человек известный и уважаемый. А что касается сбора, то у него освобождение от всего

подобного, кроме платы епископу. Видимо, или распоряжения на этот счёт не поступало, или страж не в курсе, вот и не стал связываться. Раскладываемся, а там посмотрим. Будем считать, что повезло.

На прилавок они выложили бóльшую часть раскрашенной в яркие цвета одежды, короба с инструментом, корзины, кое-что из обстановки дома, а также лишний щит, неплохой лук, наконечники для стрел, гвозди и всякую другую мелочёвку. Оставив Драгомира присмотреть и получить причитающееся за товар, если найдётся покупатель, сами они отправились к дальней части рынка, где торговали скотом и лошадьми. Овец Элезар оставил родственникам, а вот лошадь у него была одна, и других в Хайтабю было не купить. Самим не хватало. В Шлезвиге же выбор был.

Однако, подойдя к загонам с козами и овцами, плетёным загородкам с птицей, они обнаружили, что торговец лошадьми там только один. Поспрашивав цены, оба спутника поняли, что денег у них может и хватит, тем более после продажи товаров, но на путешествие останется не так чтобы и много. Но вот пару мулов вполне могли себе позволить. К тому же после объяснений и споров торговец лошадьми согласился принять в счёт оплаты их товар. Быстро вернувшись вместе с торговцем к своему лотку, где Драгомир не успел ещё ничего продать, они сговорились о доплате в двести пфеннингов. В целом вышло очень неплохо.

Счастливо и неожиданно скоро расторговавшись, пере-

грузив поклажу на мулов, они попрощались с Драгомиром.

— Надо бы поесть, но сначала стоит посетить епископа, — посмотрел на стоящее в зените солнце Элезар. — Пойдём, наверное, к усадьбе. Глядишь, и на обед попадём.

Надежды Элезара оправдались. Стоило им только доложиться, как майордом-управляющий епископского поместья распорядился слугам принять лошадей, а им самим подняться в покои епископа и присоединиться к его обеду, как если бы их ждали.

Епископ Шлезвига встречал их, сидя за накрытым столом и в одиночестве.

— Элезар! Сын мой. Подойди же к твоему старому наставнику Сигварду! — обратился он на великолепной латыни к вошедшему парню.

Элезар с достоинством приблизился, а затем преклонил колено и приложился к руке прямого, словно палку проглотил, очень худого, с высоким лбом, пожилого и совершенно лысого мужчины, одетого скорее как богатый владетель, чем как князь церкви. Впрочем, он действительно являлся фактически управляющим городом и всем округом, был судьёй и главой военного ополчения, в связи с чем не раз сам брал в руки меч. Должность свою он получил не за богатство, как некоторые другие чиновники, а за ум, истовую веру и преданность ещё прошлому королю Кнуду IV, даровавшему священникам привилегий едва ли не больше, чем знати. Впрочем, и королю Олафу епископ Сигвард служил чест-

но на протяжении уже многих лет, сохранив епископство и жизнь, что само по себе о многом говорило.

— Представишь мне своего спутника?

— Да, конечно, это мой друг, соратник и спутник в дальнем походе, брат Александр.

— Брат? Ты монах? — заинтересовался Сигвард.

— Я не успел принять обеты, Владыка. В наших землях таких, как я, зовут инок, — приблизился Александр и, поклонившись, тоже приложился к руке священника.

— Ромей? Или грек?

— Рус, Владыка. Я родился недалеко от... Владимира. Это город в русской земле.

— Никогда не слышал. Много ли у вас монастырей, все ли веруют в Господа нашего Иисуса Христа? — священник размашисто перекрестился. Александр и Элезар повторили его жест.

— Я давно не был в родных землях, Владыка, совершил длительное путешествие. Мало могу рассказать о том, что происходит там сейчас. А потом оказался в ваших владениях и поселился в доме отца Петра, помогая ухаживать за больным, — Александр бросил взгляд на Элезара, надеясь, что тот не станет оспаривать его полуправдивые слова.

— У тебя хорошая латынь. Ты учился?

— Меня учили монахи и на совесть, отец, — опять сказал почти полную правду Александр.

— Что же, благословляю тебя на твоё паломничество в

Святую Землю. Будь хорошим и преданным спутником Элезару, я очень ценю этого юношу, — своими словами хозяин округа показал, что ему прекрасно известна и цель визита спутников, и, как подумал Александр, скорее всего епископ был прекрасно осведомлён о том, сколько гость уже живёт у Петра и чем занимается.

— Я отдал приказание Йозефу, моему майордому, вам приготовили комнату. Еду тебе принесут в покои. А сейчас можешь удалиться, мне надо поговорить с Элезаром, — отпустил его епископ.

Когда Александр удалился, Сигвард жестом показал юноше на место подле себя. Тот молча сел. Прочитав молитву, они приступили к трапезе. День был не постный, и потому на столе была подана нежная свинина, а также каша, солёный лосось, сыр, свежий хлеб, разбавленное вино и, конечно, густое пиво. Всё, что нужно, чтобы скромно утолить голод двум голодным мужчинам.

После трапезы настало время беседы, которая велась на датском.

— Мальчик. Я давно знал, очень ценил и любил твоего отца. Помню, как он привёл тебя ко мне для обучения впервые. Ты был отчаянным, но послушным. Мне не пришлось ломать о твою голову палку, — усмехнулся старик. — Я уже говорил твоему спутнику, что моё благословение на ваше паломничество в Святую Землю дано. Но прошу тебя не торопиться с твоим путешествием. Задержись. До следующей весны.

Епископ замолчал, а затем каким-то хищным движением приблизился к Элезару и заговорил тише, почти зашипел:

— Что-то назревает, сын мой! Что-то серьёзное. Я это чую, как гуси чуют приближение зимы. Ко мне стали заглядывать странные люди. Якобы паломники из Иерусалима. Они говорят о притеснении христиан. О разрушении и поругании святынь. О приходе антихриста и необходимости всем христианам объединиться против нечистого. Грязные! Полудикие! С фанатичной верой в глазах, — епископ в раздражении махнул руками. — Баламутят народ! Им верят! Тем более они рассказывают о богатстве сарацин. О постоянном лете, о том, как по дороге ласково принимают и бесплатно кормят паломников. Страна только-только стала выбираться из нескольких лет неурожая, а бонды хотят бросить поля и двинуться неизвестно куда! И так по всей Германии и Франкии. После проповедей в соборе от меня требуют... Ты слышишь?! Требуют от меня! Хотят, чтобы я дал благословение паломникам двинуться в Иерусалим! Да они даже не знают, где он находится!! Глупцы! Дальше Шлезвига в Данию я эту заразу не пускаю, спроваживаю к славянам в Любек. Пусть им расскажут о царстве антихриста, — епископ усмехнулся, видимо представив, как на такие проповеди отреагируют язычники.

— Ваше Преосвященство, я понимаю, что кто-то должен работать в полях, но что же плохого в таких проповедях, тем более если это правда и наши братья по вере страдают в Свя-

той Земле и им нужна помощь? Разве мне и другим людям не стоит поспешить туда для помощи единоверцам? — спросил Элезар.

— Наивный мальчик, — почти с нежностью произнёс епископ, резко сменив тон на назидательный. — Ты представляешь, что будет, если наши бонды пойдут в Иерусалим? Да им здесь есть нечего, чем они будут платить в дороге? Или ты тоже веришь в сказки о том, как всех паломников бесплатно кормят? Кто? Такие же полунищие крестьяне? А ведь бонды знают, с какой стороны братья за меч. Что будет, когда они не получат желаемого? Поверь, их клинки обратятся не против сарацин, а против христиан. И их повесят, как последних разбойников. Совершенно справедливо. А что касается братьев по вере... То их там нет. Ромеи и армяне. Ты знаешь, что Преемник князя апостолов* предал анафеме константинопольского патриарха почти полвека назад?

**Одно из официальных наименований Римского Папы, хотя мне больше нравится «раб рабов Божьих», введённое действительно Святым Папой Григорием Двоесловом.*

— Нет, отец об этом не рассказывал, Владыка.

— В 1054 году эти еретики осквернили Святые Дары и стали оспаривать главенство Верховного Понтифика. А потом предали анафеме папских легатов, — епископ не стесняясь плюнул на пол. — Еретики! Они принижают Господа нашего Иисуса Христа, отрицая, что Святой Дух исходит от Сына, и заявляют, что Он исходит лишь от Отца.

— Но разве не так сказано в постановлениях Вселенских Соборов? — задал вопрос Элезар.

— Святые Отцы лишь опускали эту фразу, а не отрицали, что это так, — проворчал епископ. — Ладно, довольно богословских споров. Важно лишь одно. Я прошу тебя задержаться. Если ты отправишься сейчас, да ещё с моего благословения, меня растерзают прямо на кафедре с требованиями дать такое же благословение всем остальным!

— Я понимаю, Владыка. Но не могу. Я дал клятву отцу.

— Подождёт твоя клятва!

— Нет, простите, Владыка. Я должен.

— Упрямец, — почему-то одобрительно сказал епископ и хлопнул обеими ладонями по столу. — Ладно! Будь по-твоему! Отправишься завтра же. Сегодня переночуешь у меня, а завтра в путь. Только не в Иерусалим, — Сигвард хитро прищурился. — Поедешь к Папе Урбану. У меня для него письмо с докладом о событиях, которые тут происходят, и моих мыслях в связи со всем этим. Ехать под охраной моей грамоты тебе будет безопасней и спокойней. Хотя бы до половины пути. А уже от него отправишься в свой Иерусалим, Бог с тобой, — епископ перекрестился. — Не спорь! Это последнее моё слово. И помни, для всех я тебя благословил на поездку в Италию, а не Иерусалим!

— Конечно, Владыка. Исполню, — встал и поклонился Элезар. А затем поцеловал руку священника и, ещё раз поклонившись, удалился, отосланный жестом.

Глава 3

Элезар зашёл в комнату, где после плотного обеда прилёг Александр. Матрас, набитый шерстью, служил великолепной постелью, и спутник негромко храпел после вина.

— Ну и горазд же дрыхнуть.

— А? — Александр резко проснулся. — Кто здесь?

— Да я это. Извини. Прервал сон. Спи дальше, я тоже прилягу.

Элезар, не раздеваясь, упал на соседний матрас, заложил руки за голову и уставился в потолок, пребывая в своих мыслях после разговора с епископом.

Поворочавшись и чего-то поворчав в полусне, Александр спросил:

— Ну чего там, сегодня, я так понимаю, не выезжаем?

— Да, и пока двинемся в Италию. Владыка Сигвард обещал письмо к римскому понтифику. С его печатью без приключений доберёмся до самой Италии, а оттуда судном уже куда надо. Похоже, всё складывается быстрее и проще, чем я ожидал.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — на своём языке произнёс Александр.

— Что?

— Да говорю, что рано загадывать. На всё воля Господа. Знаешь историю про хаджу Насреддина, что слишком много

планировал?

— Нет, кто это?

— Был, а может, и есть такой сарацин по имени ходжа Насреддин. Ложился он как-то спать с женой. Она его и спрашивает: «Какие планы на завтра, муженёк?» Тот говорит, что или дрова будет собирать, либо, если дождь пойдёт, то в доме делами займётся. Жена Насреддину и говорит: «Ты забыл прибавить: если так Богу будет угодно». «Ой, чего там, — отвечает муж. — Или будет дождь, тогда сделаю это, а если не будет, то сделаю то; какие варианты?» Жена поворчала, но улеглись спать. Настало солнечное утро. Насреддин отправился собирать дрова. Встречают его сарацинские всадники и спрашивают, как проехать в город. Он им ответил, что туда-то и туда-то. А им показалось, что непочтительно. Избили его, заставили пешком бежать с конями, показывая дорогу. Вернулся он лишь поздно ночью домой — избитый, без дров, а ещё дождь всё же пошёл, и он вымок. Стучит в дверь. Жена из-за двери спрашивает испуганно: «Это кто?» А Насреддин и отвечает: «Это я, твой муж, ходжа Насреддин, если Богу так будет угодно».

Элезар рассмеялся так, что голуби за узкими бойницами окна взлетели в испуге.

— Точно! — закашлялся он. — Как сказал? — и снова разразился хохотом. — Удивительно. Ничего смешнее в жизни не слышал. Тебе бы скальдом быть. Ты откуда такие истории знаешь?

— Читал в детстве.

— Читал? Ты, значит, из богатого дома?

— Ну, небогатого, скорее — не бедствовали.

— А Бог... разве сарадины верят в Бога?

— В Аллаха. Но это как раз «Бог» по-арабски, на их языке.

— И откуда ты столько знаешь...

Помолчали.

— Слушай, я тебя не спрашивал раньше, но ты сегодня у епископа обучение и Родину упоминал... И отца... Ты не хотел бы рассказать, откуда ты на самом деле взялся и вообще о своей жизни? Я ведь понимаю, что ты не мог появиться в церкви просто так. Дверь точно заперта была. И ты сперва сам говорил, что не понимаешь, как здесь оказался.

— Элезар, — Александр подержал паузу, — я обязательно расскажу! Но не сейчас. Просто ни я не готов, ни ты. Не поверишь! Одно могу сказать: я ни слова неправды сегодня не сказал. Когда будешь мне больше доверять, тогда обязательно расскажу. И я считаю тебя другом, а потому зла не жди.

— Я и так тебе доверяю, друг! Ты и за отцом ухаживал, и молитвенник, каких я никогда не видел. Мне кажется, ты — святой, сошедший с неба, — порывисто заявил юноша.

— Нет, уж точно не святой, — рассмеялся Александр. — Грешный. Как все.

Помолчали неловко. Александр решил, что надо что-то

спросить.

— Слушай, а как мы завтра-то вообще? Куда отправимся, дорогу ты знаешь?

— Да. Отсюда быстрее всего будет не пешком идти. Найдём корабль, который плывёт в Любек. Сообщение тут постоянное. Оттуда отправимся уже посуху в Италию. Там найдём транспорт в Константинополь или сразу в Святую Землю, пересечём море и окажемся в землях сарацин. Ну и дальше дорогами паломников запросто окажемся в Иерусалиме. Думаю, два месяца на всё.

— Если Господу будет угодно.

Элезар заржал как конь.

— Да уж. Если Господу будет угодно.

На этом они окончательно замолчали, и каждый задумался о своём. Элезар — о предстоящем путешествии, снова о разговоре с епископом, а Александр — о своей прошлой жизни и том, как он появился в этом мире и как пришёл к мыслям о пути в нём.

Снова вспомнил, как испугался. Проснулся, а перед ним — совершенно не его московский храм. Не его алтарь. Никакой побелки, электрических ламп, даже икон. Грубая обстановка. Вроде бы и темно, но вокруг словно какие-то светодиоды синего цвета. Только вот светились как раз каменные стены. Встал. Голова с бодуна раскалывалась. Вышел из алтаря, прошёл по церкви — такой же грубой и каменной, без единой иконы или лавки. Массивная дверь как будто от-

ворилась перед ним. А за ней — юноша, который говорит что-то непонятное. И вдруг латынь. Нет, тут он сразу сообщил, что не в Москве и даже не в России, что происходит что-то фантастическое. Но где он? Ничего не ясно. Всё происходящее в больной голове совершенно не укладывалось.

Юноша его приютил. Объяснил, где он находится. Александр хорошо знал историю, и ему из объяснений стало ясно, что он в далёком прошлом и, кажется, в Дании у викингов. Позже высчитал конкретную дату по упоминаниям года. Оказалось — самый конец XI века. 1095 год. Подумав и рассудив, он решил держаться дома, в котором так странно оказался и откуда его не гнали, и потихоньку постараться понять, что происходит вокруг.

Глядя на умирающего священника, он поначалу хотел чем-то помочь приютившей его семье, но быстро понял, что не знает чем. Никаких полезных знаний о таких случаях в его голове не было. Почти вся не очень долгая жизнь, а ему исполнилось чуть больше двадцати четырёх лет, прошла в церковном мире. Отец был священником в третьем поколении, происходя из рода Хазиновых. Старший брат, разница с которым у Александра была в десять лет, тоже пошёл по стопам служения, приняв монашеский подвиг в далёком монастыре, когда Александр ещё учился в младшей школе. С детства Александр помогал в алтаре, общался с немногочисленными прихожанами их постепенно реставрируемой подмосковной церкви, среди которых царил свой особый мирок

и взаимоотношения. Мама занималась хором, приходом и собой, а у маленького Саши няньками были едва ли не все многочисленные помощницы прихода. Нужды их семья особо не знала даже в небогатые девяностые годы. Прихожане, в том числе замаливающие грехи бандиты, на удивление искренне любили и уважали его отца и были щедры с пожертвованиями, а мать, являясь казначеем прихода, умело выделяла деньги и на восстановление храма, и на бытовые нужды.

Отец был строг, но позднего сына любил. Так что строгость была немного отстранённой, как бы по нужде — чтобы совсем не разбаловать. Но не разбаловать не получилось. Выходки мальчика были регулярными, а характер взбалмошный, боевитый. Не раз и не два он приходил домой в рваной одежде, за что был бит матерью и наказан строгим выговором отца, а потом им же и жалеет. Из обычной общеобразовательной школы пришлось уйти в частную, православную, куда сына священника взяли без оплаты. Но и там его скорее терпели. Единственным, кто его хвалил, был преподаватель физкультуры. Мастер спорта международного класса по самбо, бывший чемпион России, а теперь нашедший себя в преподавании и вере серьёзный мужчина. Секция по самбо была обязательной для всех мальчиков в школе, и Саша там показывал себя упрямым, хоть и несколько прямолинейным спортсменом. Мальчик уважал относящегося к нему как к взрослому и никогда не повышавшего голос физкультурника и слушался его беспрекословно. Но только преподаватель

самбо его и хвалил. Остальные преподаватели кричали на срывающего уроки и скучающего сорванца. Постоянные жалобы директора отцу приводили уже к серьёзным и долгим разговорам, наказаниям в виде лишения пищи, запрету на гуляния во дворе с друзьями. Но Саша всё равно сбегал через окно дома...

Отец стал заставлять его заниматься учёбой всерьёз. Сам находил время, хотя и был чрезвычайно занят в приходе, на то, чтобы подолгу объяснять сыну школьные предметы, алгебру, геометрию, а также церковнославянский, греческий, латынь, разъяснять Писание и учения Святых Отцов, обучать каноническому праву. Это их сблизило ещё больше и выровняло дисциплину. К окончанию школы Александр оставался независим по характеру, хотя учёба давалась ему легко и без прежних проблем с учителями. Однако, по сути, выбора ему отец не оставил. Дорога у него была только в семинарию и священники.

Благочинный их округа, заместитель епископа по нескольким приходам, имел обширные связи с чиновниками, в том числе военками, и мог легко устроить уход от службы в армии и сразу же поступление в семинаристы, но сам Александр заупрямился и выпросил свои полтора года у отца. О чём впоследствии жалел. Более бессмысленного времяпрепровождения он и представить себе не мог. Автомат держал в руках практически несколько раз на стрельбах. Правда, и дедовщина его почти не коснулась. Служил

он неподалёку от дома. Быстро получил место за столом в «предбаннике» командира ракетной части и дремал прямо там или мотался по курьерской необходимости. Спал в офицерской казарме и если отчего страдал, то только от юношеского голода, дури офицеров и постоянной скуки. От неё же занялся рукопашным боем и даже втянулся, не забросив полностью спорт после окончания службы. Ну а затем, после дембеля, всё же плавно переместился в недалёкую от воинской части семинарию.

Учение вышло достаточно насыщенным. В семинарии было много сильных преподавателей, а по иным предметам приезжали лучшие лекторы из Москвы. В итоге семинаристы — по крайней мере, кто желал и брал — были разносторонне развитыми сильными специалистами в области истории, знали несколько языков и, конечно, были знатоками церковных предметов и философии. Сама на первый взгляд строго регламентированная жизнь оказалась совершенно ему не в тягость. С друзьями-семинаристами они частенько сбегали или устраивали самые разные шутки во время обучения и послушаний. Проректор по воспитательной работе лишь тяжело и обречённо вздыхал, слыша в очередной раз фамилию Хазинов, но сам тоже был человеком с хорошим чувством юмора, весьма изощрённым в наказаниях. К концу обучения их борьба переросла во взаимное уважение к уму и изобретательности, даже почти дружбу, насколько она была возможна между всякого повидавшим стариком

и молодым ещё человеком. Отучившись пять лет, встал выбор, что делать дальше. И тут он прислушался к совету ректора и сан принимать не стал, торопиться не стал, пойдя в столичный монастырь, стал нести послушание в алтаре, затем стал иноком. Но через какое-то время Александр понял, что ему очень не хочется принимать обеты монашества. От монашеской жизни он стал уставать и частенько нарушал устав. В душе царили противоречия. И вот однажды, от обуревавших его мыслей, видя, что ничего другого он в жизни не умеет и не знает, а церковная карьера его не прельщает, он и напился до беспамятства, твёрдо решив, что утром уйдёт из монастыря и будь что будет.

Помогло. Хотя и не так, как думал. Оказавшись в новом мире, после того как Элезар пригласил его к себе в семью, Александр воспринял это как кару, принимаемую со страхом и смирением. Он стал думать о том, какие знания по медицине он может приложить, чтобы быть полезным умирающему священнику. Оказалось, однако, что без интернета и современных аптек, а ещё лучше — советов работающих там фармацевтов, он не способен ни на что. Даже состав йода или зелёнки ему были неизвестны. Находилась в памяти что-то про водоросли, но как это применять и, главное, к чему? С гигиеной у местных и так был порядок, а парой нововведений, вроде улучшения той же бани, прогресс не двинешь. Его отказ умываться перед едой из общей чаши и умывание в отдельной вызвали недоумение, но эту его привычку ува-

жили, хотя своим местные не изменили и продолжили мыть руки и сморкаться в одну посудину. Так что личным примером тоже что-то улучшить не получалось. Местные принимали его поведение, но сами делали по-старому. Оставалось только то, что умел лучше всего — молиться Богу. И неожиданно тем самым он завоевал уважение как больного Петра, так и Элезара и других жителей. Местные, сами не слишком усердные в повседневной жизни христиане, человека, который столь истово беседует с Богом, оценили по своей шкале. Усердная молитва здесь воспринималась как тяжкий труд, каким и была, ведь это очень нелегко — молиться несколько часов в день. Не каждый даже попробует, особенно в двадцать первом веке. Местные порой пробовали и, в отличие от современников Александра, не считали это занятие бесполезным, а потому уважали странного, но усердного монаха за его молитвенный подвиг.

Зная английский, латынь, древнегреческий, церковнославянский, Александр быстро нахватался по несколько сотен слов из германского, саксонского, датского, славянских диалектов и быстро прогрессировал в языках. Изъясняться на сложные темы это не позволяло, но при помощи жестов хватало, чтобы помогать в общественных работах местным, что тоже добавляло ему уважения и даже пошутить, что сблизало. В общении же с Элезаром и Петром проблем не было вовсе, так как латынь друг друга они понимали очень хорошо. Когда же он невольно услышал беседу умирающего отца

с сыном, ведущуюся именно на этом языке, то решил, что Господь послал его в этот мир не просто так. И не в качестве кары. Ни научного, ни другого объяснения, кроме божественного чуда, у Александра случившемуся с ним не было. А раз Господь что-то сделал, то, как решил инок, — это не просто так. Об этом твердило всё его воспитание и церковный опыт. Поэтому он решил, что это тоже служение. Может, ему суждено изменить этот мир каким-то образом, может, просто помочь юноше исполнить обеты, данные умирающему отцу, но он решил следовать за ним и стараться не пропустить то, что может сделать. Это и стало его целью. И отступить от неё Александр был не намерен.

Так и гоняя мысли по кругу от прошлого к настоящему, Александр снова уснул.

Ночью они с Элезаром встали, перекусили, помолились и снова легли, чтобы встать уже окончательно рано поутру до восхода солнца.

В комнату вошёл слуга. Убедившись, что гости уже встали, умылись и привели себя в порядок, он передал им приглашение явиться к епископу.

Сигвард принял их в опочивальне, заканчивая с помощью помощников облачение в священнические одежды для службы в соборе. Жестом подозвав их и дав приложиться к руке, он благословил друзей крестным знамением.

— Грамота для путешествия готова, — Сигвард махнул рукой слуге, и тот передал Элезару тубус с массивной епи-

скопской печатью и небольшой позвякивающий кошель. — Немного денег на ваше путешествие не помешает. В порту я приказал задержать кнарр Ульфрика Рыжего. Он надёжный человек и доставит вас без всякой оплаты в Любек. А теперь идите. Да пошлёт вам Господь спокойного пути.

Оба спутника переглянулись, припомнив вчерашний разговор о своих планах и одновременно подумав, что всё складывается само собой и к лучшему. Поклонились и вышли.

Во дворе их ожидала лошадь и купленные мулы, которые были уже готовы, а поклажа была загружена в телегу слугами епископа. Всё быстро было доставлено на пристань, где им помогли завести животных и пожитки на длинное и широкое одномачтовое судно.

Ульфрик, капитан корабля, смотрел на навязанных ему гостей без всякого удовольствия и даже не ответил на приветствие. Едва они сами запрыгнули на корабль, как тот оттолкнулся от пристани и последовал между двух пирсов в широко разливающееся озеро. Затем парус наполнился ветром, и судно поспешило к выходу в открытое море.

Воспользовавшись тем, что их никто не трогал и ничего от них не требовал, соратники перекусили и стали тихонько переговариваться. Александру, впервые плывшему на парусном судне и которому надо было практиковаться в языке, были интересны названия окружающей обстановки на местных наречиях. Он расспрашивал Элезара про парус, мачту, море и птиц. Некоторое количество небольших крикливых

чаек с причудливыми серо-чёрными головами сопровождали судно. Но вскоре птицы отстали, берег пропал из виду, а разговор сам собой утих.

Александр задремал, а когда проснулся, корабль преодолел узкий пролив. Инок хотел встать и размяться, но качка была такая, особенно от работы вёсел, которые заменили опавший парус, что он не устоял и плюхнулся на место.

Элезар, который жевал лепёшку, усмехнулся и хлопнул спутника по спине.

— Чтобы ходить по кораблю во время плаванья, нужна шноровка, друг мой. Это тебе не по каменной площади шагать.

Гребцы, слышавшие замечание, весело осклабились, видимо поняв сказанное.

— Я первый раз в море. Не требуй от меня много. Где мы сейчас?

— Проходим рядом с островом Фемерн. Местные называют его Фембре. Обычно корабли идут проливом севернее под парусом, но ветер пропал, и капитан решил, что раз так сложилось, то можно и сократить путь.

— Тут люди, так понимаю, живут. Могут быть проблемы? — спросил Александр, глядя на плохо различимые постройки на берегу.

— Живут здесь люди. Это уже страна славян — Вагрия. Местные построили тут довольно большую крепость. Но к востоку, в заливе. Отсюда мы её не увидим. Может быть,

только дозорные вышки. Здесь же лишь деревушки рыбацкие. Сейчас между Вагрией и датским королём мир, так что на нас и внимания не обратят. А так могли бы и напасть. Грабят они часто и с удовольствием. Впрочем, как все местные.

— Они язычники?

— Говорят, что на острове князь Генрих приказал церковь построить, только плевать кто хотел на его указания. Как поклонялись своим истуканам, так и кланяются. Так что да, погрязшие в греховных заблуждениях язычники, — пояснил словоохотливый и пребывающий в прекрасном расположении духа друг.

Ульфрик, делавший вид, что смотрит на берег, но на самом деле прислушивающийся к разговору, поморщился, что не ускользнуло от Александра. Видимо, капитан судна не разделял мнения о заблуждениях язычников. А может, и сам носил на шее не крестик, а молот. В одежде было не видно, а свою веру, как некоторые, капитан не афишировал. Впрочем, служил он епископу, и тот ему доверял, а Сигвард не выглядел тем, кого можно легко провести или кто будет терпеть рядом ярого язычника.

За ними никто не погнался, и уже через несколько часов, поймав ветер, корабль ускорился и вошёл в узкую реку, разлившуюся в небольшое озеро, а потом снова сузившуюся. Река, по словам Элезара, называлась Траве и текла до самого Любека или, как его называли сами местные славяне, — города Любеца. И даже дальше.

Немного попетляв, кнарр вышел к деревянным пирсам с множеством мелких лодий, за которыми виднелась небольшая крепость. Городок был не очень велик и состоял целиком из деревянных построек, похожих в представлении Александра на избы. Только без труб и покрытых в основном соломой.

По сути, крепость перекрывала всю реку. Ни один корабль проплыть мимо не смог бы так, чтобы не заплатить положенного князю. Деревянный храм с крестом возвышался над домиками, показывая, что князь Генрих является приверженцем Христа, в отличие от большинства своих подданных. Да и как могло быть иначе, если по рассказам Элезара, отца нынешнего князя Генриха убили именно за приверженность Иисусу и попытку окрестить своих подданных. А потом славяне выбрали себе князя-язычника Крута. В результате этого Генрих вынужден был бежать в Данию, где его приютили при дворе короля. А потом Генрих заручился поддержкой данов и, набрав среди них дружину, стал совершать набеги на Старград, столицу славян-ободритов, желая вернуть владения семьи. Победить силой друг друга у обоих противников не выходило. Тогда они пошли на хитрость. Крут хотел мнимо поделиться властью. Якобы возвращая принадлежащее по праву Генриху, обманом заманить в ловушку и убить. Но Генрих оказался хитрее или удачливее. Крут был уже немолод, а вот жена его Славина была совсем юной девушкой и притом очень хороша собой. Вот и сошлись они с Ген-

рихом, наставив рога старому Круту. В результате на пиру, устроенном в честь примирения, Крут напился, принимая кубок за кубком из рук жены, и один из дружинников Генриха отрубил перепившему князю голову топором. Бóльшая часть дружины Крута была тут же перебита ворвавшимися воинами Генриха. Славяне, конечно, восстали, возмущённые случившимся, особенно родственники Крута с острова Рюген упорствовали в желании отомстить. Но Генрих заручился поддержкой своих родственников в соседней Саксонии, набрал там ещё большую дружину и разбил в нескольких битвах всех врагов, окончательно утвердившись князем Вагрии. Покоя, правда, ему это не принесло. И он до сих пор вынужден опираться во власти на острия мечей саксонцев, а некоторые земли ему подчиняются лишь номинально или не подчиняются вовсе, как тот же остров Рюген.

Всё это Александр узнал, пока они выгружались и двигались к постоялому двору. Но проходя мимо церкви, путники свернули, привлечённые криками. Какой-то проповедник, одетый в лохмотья, но с огромным серебряным крестом на шее, вещал что-то экспрессивно на немецком, размахивая руками. Небольшая толпа, которую он собрал, большей частью не понимала ни слова и потешалась над убогим, впрочем, не смея его прогонять или бить.

— Рассказывает об Иерусалиме, — перевёл ещё не настолько хорошо понимавшему немецкий Александру заинтересовавшийся Элезар. — Говорит, что он захвачен отступ-

никами и оттуда на нас движутся толпы еретиков, отринувших истинное ученье и желающих поработить все народы. Вещает, что ими правит князь Гог, который огнём сжигает верных, разрушает храмы, — здесь Элезар хмыкнул, — говорит, князь этот лично испражняется в реки, из которых пьют христиане, и тем самым насылает на них мор. Да уж. Тут ему себе последователей не найти, тем более с такими выдумками. Это же надо придумать про то, что можно воду из реки пить. Животом если маяться только.

Неожиданно Элезара толкнул плечом проходящий через толпу к проповеднику крупного телосложения воин.

— Не мешайся, — рывкнул он.

— Поосторожней, грубиян, — вскинулся юноша.

— Что?! — взъярился верзила. Но сразу же передумал и махнул рукой. — С тобой я разберусь потом, щенок.

Он продолжил идти через толпу, и теперь все, заметив его из-за громкой ссоры с юношей, расступались.

— Эй ты, святоша! — крикнул он замолчавшему и испуганно смотрящему в ответ проповеднику. — А ну, дай мне свой крест. У меня он будет в большей сохранности!

Всё это было сказано на датском, и проповедник лишь испуганно ответил:

— Я не понимаю... Что ты от меня хочешь?

— Он хочет твой крест, дохляк, — перевёл требование на немецкий кто-то из толпы.

— Но это мой крест. И он освещён в самом Иерусалиме...

Я не могу... — беспомощно озирался в поисках поддержки и помощи проповедник.

Трое стражников, что стояли неподалёку, наблюдали за этой сценой, никак не показывая, что их беспокоит происходящее. Одобрения, однако, они тоже не выказывали.

Здоровяк рассмеялся, явно наслаждаясь происходящим и получая удовольствие от самолюбования.

— Эй ты, отстань от него! Это святой человек, побывавший в святых местах. Не надо его трогать, грубиян. Тем более воровать его имущество, — твёрдо сказал Элезар, прошедший вслед за здоровяком через толпу.

— Ты назвал меня вором?! Я и не думал у него воровать, а лишь попросил дать крест доброму христианину для сохранения! — воин вытащил из-под своей яркой и богато обшитой рубахи золотой крест. — Это ты лгун и оклеветал меня, как все слышали! Сукин сын, за эту ложь я убью тебя, собака! Я, Маркус Ингвардсен, вызываю тебя на поединок!

— Я... — ошарашенно произнёс Элезар. — Постой. Я не так тебя понял. Я подумал, что ты хотел забрать силой...

— Неважно, что ты подумал, ты меня оскорбил. Назови своё имя и дай согласие. Или прославься трусом.

— Согласен, — уже решительно сказал Элезар, поняв, что отступать некуда. Отказаться от поединка среди викингов — а Элезар считал себя таковым — это всё равно что стать прокажённым. Окружающие не поймут и не простят трусости. — Меня зовут Элезар, а моего отца звали Пётр. Я принимаю

твой вызов. Где и когда будем биться?

— Через два часа на дороге у реки, — воин махнул куда-то на юг. — Там, где стоит крест. После принесения положенных жертв. И помни: если не придёшь, то тебя все будут считать трусом.

— Похоже, нас обвели вокруг пальца и специально спровоцировали тебя, мой друг, — сказал Александр, в основном понявший, что произошло, и тут же сообразивший, чем это всё грозит, но не успевший вмешаться и остановить юношу. — Пойдём на постоялый двор. Приготовишься, а я всё выясню.

Глава 4

Выйдя из постоялого двора, оба друга повернули на юг поселения. Понять куда идти? было несложно, так как в ту же сторону устремились и многие жители. Через несколько сотен метров показалась небольшая толпа, в которой их сразу заметили и стали указывать пальцами.

Перед участником поединка толпа расступилась, и оба спутника прошли к кресту, что возвышался над крутым обрывом, над рекой. Рядом с ним их уже ожидал Маркус Ингвардсен, а также священник из местной церкви в серых одеяниях и выбритым кругом на голове — тонзурой. Обычно лысину священнослужители прикрывали шапочкой, но этот оставил открытой, отчего его голова светилась почти так же ярко, как уже клонящееся к Западу солнце.

Маркус, не стал прикрываться бронёй, а наоборот оголил

торс, как делали берсерки, и выглядел, надо признать, весьма эффектно. Волосы его были заплетены в длинные маленькие косички, которые он завязал в причудливую большую косу. Она свисала ему до середины спины и была перевязана разноцветными лентами. Пространство вокруг глаз и губ он подвёл чёрной краской из сурьмы, причём вокруг губ в виде торчащих во все стороны клыков, отчего его лицо вызывало у Александра ассоциации одновременно с сериалом «Викинги», первый сезон которого он видел в своей прошлой жизни и бандитами-мексиканцами, последователями культа Санта-Муэрте. Безукоризненная фигура бойца. Тело его было накаченным и сильным. Живот выступал вперёд, но это было не пивное брюхо, а натренированные бросками копья мышцы атлета.

Он стоял, опираясь на топор, и ухмылялся, глядя на подходившего противника с глубоким чувством превосходства. Опытный, сильный, пусть и немолодой воин, закалённых в сотнях схваток. Мальчишку он не считал сильным противником.

Александр остановился в первом ряду тут же сомкнувшейся полукруг толпы, а Элезар подошёл к священнику за благословением. Тот сделал пассы руками в виде креста, спросил имя юноши и представился сам, как отец Иоанн, а затем обратился к участникам боя:

- Дети мои, вы оба христиане, а Господь велел нам прощать. Не желаете ли вы забыть свои обиды?

-Я не так всё понял и теперь прошу прощения у тебя, Маркус Ингвардсен. Я готов примириться, и прошу не держать на меня зла – согласился и с достоинством произнёс Элезар.

-Что, обосрался, малец? Нет уж, держи ответ за свои слова! Под юбку священника не прячься! Я тебя не прощаю.

Священник только поморщился, а у Элезара, казалось, хрустнули лицевые мышцы, так ему хотелось сказать в ответ оскорбление, но он в присутствии отца Иоанна сдержался и пересилил себя.

-Я попросил прощения и, видит Бог, не из-за трусости. Теперь пусть Он нас и рассудит. Моей вины перед тобой больше нет.

Священник одобрительно кивнул.

-Что же, малец, может, из тебя и вышел бы толк, да только я сейчас выпущу из тебя кишки и говно – рассмеялся сам своей шутке Маркус. Впрочем, в толпе его многие поддержали.

Священник ещё раз осенил крестом обоих участников поединка, принял обязательные в таких случаях подношения и отправился в сторону церкви, не желая присутствовать при возможном смертоубийстве, которое он полагал бессмысленным и греховным. Да и Ингвардсен ему был не по нутру. Участники же разошлись в противоположные стороны.

Обычно бой начинался с броска копий, но в этот раз оба не сговариваясь взяли в руки топоры и круглые щиты с металлическими умбонами, а затем быстрым шагом направи-

лись навстречу друг к другу. Топоры были чем-то похожи на обычные колуны, но с широким и тонким лезвием.

Внезапно Маркус ускорился, разбежался и в прыжке обрушил топор на Элезара. Но тот успел закрыться, чуть скосив щит и отступив на полшага.

Не успел он опомниться, как Ингвардсен снова невероятно быстро нанёс удар справа, целя в бок противника. Элезар снова успел прикрыться и опять отступил.

Снова удар сверху. И опять отступление. Удар, ещё удар. Каждый раз Элезар успевал прикрываться щитом, как бы сбрасывая топор противника, но не успевал и не имел возможности атаковать в ответ.

Оба противника двигались в сторону обрыва, а Маркус, казалось, совсем не уставал.

-Эй, задай этому обосранному викингу! Убей ублюдка! Рассеки ему голову! Хватит отступать! – внезапно очень громко завизжал кто-то рядом с Александром, заставив вздрогнуть. Он посмотрел влево и увидел того самого проповедника, из-за которого случилась ссора. Теперь он стоял в толпе и подпрыгивал, потрясая кулаками, как футбольный болельщик, чья команда никак не может выиграть матч. При этом он исторгал из себя проклятия в сторону давешнего обидчика.

Но между тем Элезару приходилось совсем туго. Он отступал и отступал, уже подойдя на расстояние всего нескольких шагов до обрыва. Не было возможности даже оглянуть-

ся, но боковым зрением он видел край толпы и понимал, что ещё немного и он соскользнёт вниз, ломая кости. Юношу пронзил страх, что тут же почувствовал противник, взвинтив и так слишком быстрый для парня темп.

Элезар упёрся ногами и встал на месте, отбивая удары щитом. Сбрасывать в сторону топор противника у него уже не получалось, и он принимал удары прямо на поверхность щита, отчего тот начал давать сколы и трещины в нескольких местах сразу.

Всего через несколько ударов щит окончательно раскололся, сыпанув в сторону щепой. И один крупный кусок дерева в виде косога креста полетел прямо в голову Маркуса. Привычным движением тот прикрылся от щепки щитом, подняв его слишком высоко, и это дало противнику мгновение передышки. Лишь мгновение, но воспользовался им Элезар отменно. Он перекинул топор к своей левой руке, освободившейся от щита, и метнулся под левую ногу, и приподнятый край щита противника, уходя в пережат, словно прыгал в воду. В полёте он вскрыл противнику бедро длинным, мгновенно брызнувшим кровью порезом.

-А-а-а-а, готов! Победитель! – радостно заверещал проповедник.

И это было правдой. Хотя Маркус быстро развернулся и даже успел вскользь достать спину Элезара топором, что не принесло прикрытому кольчугой юноше никакого вреда, а лишь толкнуло подальше от противника, но больше ничего

датчанин сделать уже не мог и не стал.

Кровь пролилась, а значит, бой проигран. Поначалу недовольный собой Маркус поморщился и не торопясь скинул с руки щит. Но тут он увидел ранеe почти не чувствовавшуюся рану и мгновенно побледнел. Опытный воин сразу понял опасность, опустился на землю, перекатился на правый бок и попытался зажать порез рукой, но кровь продолжала бить сквозь пальцы.

Первым к нему подскочил Александр.

Он тут же надавил на артерию чуть ниже паха и согнул ногу раненого, как его учили в армии при оказании первой помощи. Но кровь это не остановило. В лучах заходящего солнца было совершенно непонятно, какого она цвета. Казалось, что чёрная демоническая жидкость, а не алая кровь человека хлещет на руки пытающемуся её унять Александру. Всё было кончено всего через несколько минут. Зрители не успели даже позвать священника. Но Александр сказал Маркусу, что он монах, и тот быстро исповедался иноку тихо на ухо в своих прегрешениях. Последними же словами умирающего было завещание о том, что его наследником является князь и просьба дать меч, чтобы держать его в руках в предсмертное мгновенье. Перед лицом смерти он оставался верен князю Генриху, но не Христу.

Александр встал. Посмотрел на уставшего, но явно довольного, тяжело дышащего Элезара и беснующегося проповедника. Горожане тоже были возбуждены. Кто-то похлопы-

вал победителя по спине, кто-то предлагал пойти отметить в трактир.

-Пойдём, друг, мне нужно к священнику передать исповедь умершего. Принять я её могу, а вот отпустить грехи уже нет. – Грустно сказал Александр.

Они двинулись в сторону церкви, а подпрыгивающий, словно бесноватый от перевозбуждения проповедник последовал сразу за ними. У входа в храм их уже ждал давешний священник, отец Иоанн, которому кто-то успел рассказать о произошедшем.

-Пойдёмте, дети мои. Исповедую ваши грехи, и поговорим – взяв под локоть Александра, священник махнул Элезару и повёл их за собой. Проповедник же почему-то в церковь заходить не стал и уселся на ступенях, что-то нашёптывая или даже напевая себе под нос, словно сумасшедший. Возможно, таким он и был, как подумалось Александру.

Подойдя к лавкам, установленным в церкви, священник присел и жестом показал Александру, что можно приступать к исповеди. Элезар стоял чуть в стороне, так чтобы не слышать сказанного.

-Отец, умирающий исповедался мне в своих грехах перед смертью. Я бы хотел передать их вам, чтобы вы отпустили их.

-Продолжай.

- Он покаялся в гордыне, лжи, сребролюбии и корысти, сказал, что ему пришлось много убивать, и чаще всего он это делал ради корысти. Но об одном случае он сказал осо-

бо. Маркус убил князя Крута. На пиру. Подло. Пьяного. Он сказал, что в этом грехе он повинен лишь частично, так как сделал это по приказу. По чьему именно он не сказал.

Священник посмотрел на Александра внимательным взглядом и тяжело вздохнул.

-Признаться, Маркус не был образцовым прихожанином, и всё же, раз это сильно терзало его перед смертью, то, значит, он искренне каялся. Грехи эти я отпущу ему – священник прочитал разрешительную молитву.

-А ты сам, в чём бы ты хотел покаяться, сын мой?

- Я хотел бы покаяться в том, что поминал всуе имя Господа, роптал, говорил пустые слова, осуждал других людей, раздражался, нарушал постные дни, недостаточно много молился, проявлял малодушие и маловерие, излишнюю самонадеянность. А ещё я самовольно решил дать обет перед Господом.

-Что за обет?

-Я пообещал помочь моему спутнику достичь Святой Земли и поклониться Гробу Господню. Сейчас мы идём в Италию, но позже отправимся в земли сарацин.

-Это достойно! Паломничество угодно Господу. За то отпустятся грехи тебе, вместо епитимьи. Как тебя зовут?

Монах без всяких условий отпустил грехи и благословил инока, а затем исповедал Элезара, также освободив его от епитимьи невозможности причащения за убийство при условии, что он исполнит свой обет паломничества к Гробу Гос-

подню.

Затем священник подозвал Александра и произнёс громче:

-Юноши, я давно знаю Маркуса и давно служу князю Генриху. Князь верный христианин, но он простой человек, и у него есть свои грехи. Он любил Маркуса и был привязан к своему войну. По моему мнению, вам не стоит обращаться к нему за своей долей наследства. И более того, я думаю, что вам стоит покинуть Любец как можно быстрее и отправляться в Италию к понтифику, куда вы держали путь. Остаться здесь дольше необходимого для вас чревато.

-Да, мы последуем вашему совету, отче. Хотя и не думаю, что нам угрожает опасность. Мой дядя Барма был хольдом у князя и отзывался о нём как о справедливом человеке. Но завтра же утром мы уедем. Нам и так ничего не нужно. Без вашей просьбы мы тоже вряд ли бы пошли к князю, но теперь не пойдём точно. – сказал Элезар.

После этого разговора друзья отправились в таверну, чтобы помолиться и отдохнуть, а священник поспешил к князю.

Войдя в личные покои Генриха в деревянной крепости в центре поселения, отец Иоанн пересказал разговор и порадовал тем, что не придётся выделять никакой доли каким-то странным пришлым людям. Себе в достоинство он поставил именно это, сказав, что убедил их отказаться от своего трофея.

-Барма говоришь его дядя? Достойная смена растёт —

расплылся в улыбке на радостные для него вести князь. Собственно этого засранца Маркуса не жалко. Много на себя брал и на язык не сдержан был. Но полезен, не отнять. Он мне владения половины местных вождей на блюдечке принёс. Ну ладно. Если эти двое завтра уберутся из города, ни на что не претендуя, то получишь пятую часть серебра Маркуса. Считай, и на церковь я пожертвовал. А теперь иди. У меня ещё дел невпроворот – заявил князь и вернулся к поеданию кабанчика с отменным вином, чем был занят до прихода священника.

Впрочем, совсем уж без прибытка Элезар неожиданно не остался. Едва друзья только вернулись на постоянный двор, сперва свернув в таверну, чтобы поесть и запить волнения, как их встретил гул одобрения и крики здравниц победителю. Более того, на столе перед ними положили броню Маркуса, которой на нём не было во время боя, но которая была увязана на его коне, стоявшем неподалёку. Также Элезару достался сам конь и оружие, включая великолепный франкский меч и щит взамен разбитого. Ну и кошель, полный серебра. Ни пфеннинга никто не украл. Добыча – это святое, по мнению простых в мыслях славян, живших в Любеце. Кто на неё покушается, тот покушается на саму волю богов. Продать это всё быстро вряд ли удалось бы, и друзья решили сделать это позже. На часть же денег из кошеля они с радостью угостили всех находившихся в таверне, вызвав какой-то даже нездоровый взрыв криков одобрения. Как если бы все

здесь пили на последнее, и именно на этот стакан пива не хватило бы.

-Халява! - Усмехнулся непонятно Александр.

Друзья съели по курице, запили ужин парой здоровенных стаканов пива и отправились спать, не позабыв заказать еды в дорогу. Отправиться решили всё же посуху, а не реке, так как коней и мулов погрузить в небольшие ладьи, что сновали по окрестным рекам, было проблематично, хоть и возможно. Но пришлось бы переплатить за провоз, а смысла в этом не было.

Встав рано утром, оправившись и умывшись, спутники приготовили лошадей, загрузили мулов и прошли в таверну за провизией. Гуляли там явно до утра, так как слуги хозяина или члены семьи, было неясно кто это, только принялись за уборку. Впрочем, несмотря на явные последствия дебоша, пьяный валялся лишь один, мирно посапывая на небольшой кучке сена. Скорее всего, это сено предназначалась для отбития запаха мочи, но напившегося до состояния невменяемости проповедника, а это был именно он, это обстоятельство не беспокоило. Элезар не обратил внимания, а Александра даже затошнило от зрелища. Местные жители, вообще-то, были совершенно не похожи на средневековых людей, какими он себе их представлял. Все встреченные здесь были достаточно опрятны и чистоплотны. Больше всего они напоминали деревенских жителей совсем глухих деревень его времени. Каких-нибудь старообрядцев. А вот этот проповедник

ему сразу не понравился, а теперь вызывал уже совсем полное отвращение.

-Хозяин! – прикрикнул Элезар и стукнул кулаком по столу. Звук вышел внушительный, так как Элезар был в броне и по столу удар пришёлся не только кожаной перчаткой, но и звякнувшими наручами. – Эй, хозяин! Где заказ? Нам выезжать пора!

На шум выглянул помощник трактирщика. Жестом показал, что сей момент всё будет, и нырнул обратно в кухню.

-Вот же... Договаривались же, что всё будет готово.

-Чего ты такой нетерпеливый? Раннее утро. Успеем. – Зевнул Александр.

-Да, я думал, до Бардовикка добраться успеть затемно сегодня.

- Ничего у вас не выйдет, господин – высказал мысль, вышедший с кухни помощник трактирщика. - До Бардовикка далековато будет, да и ночью же вы ехать не сможете. На ладье, может, и успели бы, но на лошадях никак не выйдет. Там и поселений по дороге особо нет. Разве что в Ратибор вам сперва поехать и дальше по торговому тракту, там постоянные дворы найдутся. На третий день, если долго на Эльбе не встанете на переправе, будете в Бардовикке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.